

Мои, дорогие читатели!

Привожу Вам мнения разных ученых, туманно говорящих о значении чеченцев в древности, известных как НАХЧИМАТИАНЕ и НАХАРАРЫ.

Эти мнения требуют дополнения, которые я сделаю в следующей главе. Это касается многих чеченских слов, которые я уже исследовал и досконально изучил. Ведь и Туманов и Геродот и все остальные ученые не изучали и не исследовали чеченский язык двадцать лет досконально.

Их мнение, конечно абсолютно правильное, касательно значимости и той роли, которую играл чеченский язык не только в Закавказье, но и во всем Мире и в языках всех остальных народов Мира!

Например, Туманов говорит о НАХЧИМОТ, как о двух словах. Одно из них НОХЧИ(чеченцы), и это правильно. Но он не знает, что такое МОТ или МАТ. Это означает ЯЗЫК. НОХЧИ МАТ, означает - ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК, а НАХЧИМАТИАНЕ означает ЧЕЧЕНОГОВОРЯЩИЕ или говорящие на языке НОЯ.

Он же не знает, что означает слово ВАН.

ВАН, означает - МАТЬ!

ВАН = В + Н

В - Есть

Н - Мать

Есть Мать!

Полный разбор непонятных моментов, я сделаю в следующей главе.

Думаю, что Вы со мною полностью согласитесь, так как я все Вам расскажу, как отличник по математике расскажет таблицу умножения, без запинки.

Никто же не сможет отрицать, что пять умножить на пять, будет двадцать пять, или девятью девять будет восемьдесят один.

Мне, действительно нравится, что серьезные ученые говорят о чеченском языке!

Но это не все. Они только коснулись этой важной темы, подчеркивая важность чеченского языка в формировании закавказских языков.

Моя книга доказывает, что чеченский язык есть основополагающий язык всех времен и всех народов.

Я доказываю, что чеченский язык есть **ОДИН** и **ЕДИНСТВЕННЫЙ** язык планеты, из которых состоят все языки мира, то есть **ПРАЯЗЫК**!

Чеченский язык есть **ИСТОРИЯ МИРА**.

Он же есть **ЛЕТОПИСЬ МИРА**!

А теперь ознакомьтесь, пожалуйста, с мнением уважаемого мною Туманова и других ученых.

Я же, в следующих главах, Вам разложу все, как таблицу умножения.

А теперь, пожалуйста мнение Туманова и некоторых известных ученых о доисторическом языке ЗАКАВКАЗЬЯ: - НАХЧИМАТ:

К.М.Туманов

О доисторическом языке Закавказья

(Из материалов по истории и языкознанию Кавказа)

Издание автора

ТИФЛИС

Типография, Канцелярия Наместника Е.И.В. на Кавказе

1913

О доисторическом языке Закавказья.

Ходом научных изысканий в Передней Азии естественно выдвинут вопрос о расах и языках на территории древнего Закавказья. Вопрос о расах – предмет особого суждения. Здесь мы затронем лишь вопрос о доисторических языках.

Древнейшие языки малодоступны для изучения, но вследствие этой же малодоступности создаётся великий интерес к их дешифровке. Доисторические языки Закавказья исчезли и никогда бы наука не узнала о них, если б не предусмотрительность самих вершителей судеб древнего мира, желавших во что бы то ни стало дать знать о себе грядущему человечеству. В 1827 году французским правительством был командирован в Ван ученый Эд. Шульц для изучения клинообразных надписей, имеющих на крепостных стенах этого города. О существовании этих надписей знали давно, но разбором их никто до тех пор не занимался. Дешифровка надписей выяснила, что язык их был не ассирийский, а местный, ванский. Это открытие местного доисторического языка вызвало целую сенсацию в научном мире, который не предполагал такой находки. Армянские историки, если и видели эти надписи, то считали их чужеземными памятниками, а не памятниками аборигенов страны. Был открыт, таким образом, один из доисторических языков, быть может, самый интересный и самый распространённый в древнем Закавказье и в смежных с ним областях. Оставалось найти собственника этого языка, ту расу, которая говорила на нём. Она стала известна под именем урартийцев или алародийцев, по имени той страны (Урарту), которая вела войны с Ассирией и отмечала деяния своих царей в этих клинообразных надписях.

Предания закавказских народов, само собою разумеется, не знают совершенно рас, так как понятие о расе, даже в научном отношении, ещё новое и неустановившееся. Летописцы появляются в эпоху, когда только что зарождается любознательность в народе и чувствуется потребность знать своих предков, но историю свою они начинают вести со времён мифических, привлекая к историческому труду все те легенды, поэмы и народные сказания, которые, по существу, составляют лишь материал для фольклора. Может быть, такому обычаю составления истории нужно приписать то обстоятельство, что в начале повествования у них стоят герои, необыкновенные люди, исполины, располагающие большими физическими силами и обуреваемые воинственным пылом. Что предшествовало этим чудо-богатырям, повторяем, они не знают, и в них воплощают родоначальников разных народов. Но так как в современной исторической науке существует течение, которое рассматривает родоначальников и царей отдалённых времён под иным углом зрения, видя в них лишь эпонимы разных племён, рас. То мы вправе разобраться со своей стороны, в том списке имён героев древности, который имеется в преданиях закавказских народов.

Общим родоначальником этих народов предания называют Торгому или Торгомосу, который, разумеется, известен только по имени. В этом Торгоме мы видим эпоним доисторического населения Закавказья, многочисленного, распадавшегося на множество колен и отпрысков. Оно было издавна пришлое и занимало всё древнее Закавказье вплоть до малой Азии. Будущие археологические изыскания, есть надежда, выяснят более точно вопрос об этой первоначальной основной расе Закавказья, впоследствии мало-помалу исчезнувшей или, лучше сказать, слившейся в исторических переворотах с другими расами древности, теперь же мы возвратимся к нашей теме.

Урартийцы, говорившие на ванском языке, сохранившемся в клинописи, в наших понятиях должны быть отождествлены с торгомосцами, так как первые, по общему мнению, были давними поселенцами древнего Закавказья и господствующей доисторической расой, то есть таким элементом, каким является Торгома с его многочисленными коленами.[1] Но если это так, - какое же тождество существует между языком клинописи и языком торгомосцев? Не есть ли ванский язык только язык тогдашних официозов, язык рескриптов царей древности? Однако допустить подобное предположение вряд ли мы имеем основание. Языки местных отпрысков расы не могли бы до такой степени разойтись, чтоб утратить сходство и связь с языком их официозов. Сами резчики этих письмён, не принадлежащие к царской крови, должны были знать тот язык, знаки которого они вырезывали. А это уже говорит в пользу распространённости в населении данного языка. Язык ванских надписей оказался составленным из смешанного шрифта – ассирийского и местного, ванского. Ассирийский шрифт, ещё прежде до некоторой степени известный, был разобран, а местный распознавался по догадкам, аналогиям, разным соображениям. Не много помог делу Станислав Гюяр, догадка которого на первый раз произвела сильное впечатление в мире учёных. Он нашёл, что большинство ванских надписей оканчивается одними и теми же фразами, и высказал предположение, что эти фразы содержат формулу призвания богов в каратели тех, которые будут пытаться разрушить надписи, формулу, которую обыкновенно заканчиваются надписи ассирийских царей. Благодаря этому, установлен смысл слов и фраз этой формулы, что неожиданно пролило и некоторый свет на грамматические формы ванского языка.[2] Но, несмотря на счастливую догадку Гюяра, язык надписей всё же таки в конце концов не раскрыт. Учёные обошли несколько дельных замечаний отдельных исследователей, например, вопрос о первичных и сложных словах в клинописи ими совершенно не был затронут, а также вопрос о признании за данным словом несколько разных значений; кроме того, глаголы в фразах не были точно выяснены. А при таких условиях какие же точные научные результаты может дать чтение клинописи? Так и заглохло это дело, вызвавшее на очень трудную и кропотливую работу многих выдающихся ассириологов и породившее даже мучеников (Шульц и Бельк были одновременно умерщвлены курдами во время их научных изысканий). Вдобавок к этому обнаружилась крайняя односторонность в этой научной работе, вследствие того, что учёные ассириологии не были знакомы с кавказскими и закавказскими языками, а знатоки последних не умели разбираться в клинописи. Так, повторяем, и остановилось дело. Очевидно, чтобы его двинуть вперёд нужен ещё один коэффициент для раскрытия доисторического языка, нужен ещё один ключ, кроме ключа, данного Гюяром. В интересах такой постановки вопроса необходимо выследить этот язык и вне клинообразных надписей, в очень древних географических названиях, а также найти элементы этого языка в горских языках Кавказа.

Идея сближения урартийского языка с горскими языками не нова. Один из учёных[3] уже сближал его с языками лезгинской группы, но без всякой исторической обосновки. О происхождении племён, известных под именем лезгин, не существует даже скудных сведений. Воспоминания их самих не восходят к эпохе ранее арабского нашествия и в полной мере арабизированы. У историков же древности нет и намёка в том, чтобы предки лезгин были родственны урартийцам или жили по соседству их и общались с ними. У Страбона и Плутарха упоминаются о леках, как о жителях кавказских гор, из чего следует, что в I веке нашей эры и даже несколько ранее леки или лезгины уже занимали нынешние свои места. Другие учёные сближают лезгин с теми лигами, которые жили в Малой Азии и некогда помогали хеттам в их борьбе с Египтом. Несмотря на это, нет положительно никаких сведений, чтоб в какой-либо период доисторической эпохи лиги или леки жили в массе своей в южном Закавказье. В виду сказанного непонятна идея сближения ванского языка с дагестанскими, не говоря уже о том, что сближаются языковые элементы ещё не вполне выясненные.

Обозревая языки других кавказских горцев, мы должны сказать, что западно-горские языки, правда, очень древни и могли бы находиться в той или другой степени близости к доисторическим закавказским языкам, но опять-таки сближающих исторических фактов не существует по отношению западных горцев, с одной стороны, и народов Закавказья, с другой. Исключая, таким образом, дагестанские и западно-горские языки из предмета нашего суждения, мы должны остановиться только на одной группе языков, или наречий кавказских горцев, которая известна под именем чеченской. В виду этого нам придётся выяснить историческое прошлое чеченцев, народа «неисторического», о котором мало кто писал, которым мало кто интересовался.

Касаясь истории чеченцев, мы должны выставить три тезиса и, насколько возможно, подробно их рассмотреть, чтоб иметь возможность в дальнейшем вывести из них определённые заключения. Эти три тезиса следующие: 1) древнее название чеченцев; 2) предание о происхождении их в связи со сведениями классических писателей о племенах древнего Закавказья и близость его к языку клинообразных надписей; 3) язык чеченский; следы его в географической номенклатуре древнего Закавказья и близость его к языку клинообразных надписей.

Рассмотрим эти тезисы в намеченном порядке.

В Древней армянской географии, почему-то приписываемой Моисею Хоренскому, составлявшейся, по предположению профессора Патканова, в первой половине VII века нашей эры, между прочим перечисляются народы, жившие в древней Сарматии, в нынешних предгорьях Кавказа. В ряду их назван и народ «нахчаматианы», о котором ни один из предшествовавших древних источников не упоминает. Рассматривая это слово, К. Патканов говорит: «В именах сармат, савромат, яксамат, хечматак, слог мат имел, вероятно, какое-нибудь значение, может быть, земли, страны. То же самое встречается у автора (Древней армянской географии) в имени народа нахчаматьанк. Окончание янк у армян этническое. Остается имя нахча. В таком виде мы встречаем это имя у чеченцев, которые и до сих пор называют себя нахче, то есть народ».[4]

По поводу этого слова мы можем сказать следующее: нах, по-чеченски, действительно, означает народ. Это слово в форме нахчий сделалось этническим названием чеченцев. Что же касается слова матианы, то форма этого названия греческая (mationez); матиенами или матианами греки называли мидийцев, живших, между прочим, и в древней Армении.

Если проследить за этим названием, то окажется, что первоначальный его корень принадлежит какому-то другому языку. Ещё в ассирийских надписях встречается слово Мати, как название области, окаймляющей с южной стороны оз. Урмию. Очевидно, это название области произошло от имени её жителей, матов, которых греки превратили в матиенов. Т. Рейнах, в своём исследовании «Un peuple oublié: les matiènes», рассматривает это племя самостоятельно, без отношения к остальным мидийцам. Из карты расселения их, составленной господином Рейнахом, следует, что матиены или матианы жили в области, находящейся к югу и западу от оз. Урмии, а также в долинах Аракса, Сакасене и в области р. Галиса. Подробных сведений о происхождении и времени появления матианов господин Рейнах, конечно, не даёт, но, принимая догадку господина Видемана, он сближает матианов с митанами или матанами, о которых упоминается в некоторых египетских памятниках. Таким образом, немногие памятники митанского языка, имеющиеся в наше время, нужно считать остатками языка матианов. Но так ли это – вопрос другой. Итак, существовало в древности племя матианов, выдвинувшееся далеко к западу от расселения остальных мидийцев, с передовым постом на р. Галисе.

В итоге обобщения слова нахчаматианы вторая половина его не играет роли слога мат, как в других вышепоименованных названиях, приводимых К. Паткановым; первая половина слова – чеченская, вторая – греческая. Всё название обозначает: чеченцы-матианы.

Такое двойственное название, возникшее, как увидим далее, в пределах древнего Закавказья, удержалось на первых порах и в новых местах, в горах Кавказа, и если, действительно, этот народ появился там в начале VIII века, как об этом передаёт одно из чеченских преданий (приводим его ниже), то самый источник Армянской географии

нужно отнести приблизительно тоже к VIII в., как, впрочем, делают это, расходясь с господином Паткановым, другие учёные.

Таким образом, Древняя армянская география считает чеченцев в числе горцев Кавказа и устанавливает их родство с матианами древней Армении.

Как попали чеченцы в кавказские горы, под влиянием каких событий, и, вообще, кто они по происхождению – об этом современные чеченцы не сумеют ничего сказать. Да и не мудрено: давность лет, превратность судьбы, столкновения и борьба с другими народами, которые шли теми же путями, быть может, в силу те же мотивов и на те же места, которые читались наиболее защищёнными от посягательств варваров; наконец, добровольная или насильственная ассимиляция их с другими народами, которая вела к усилению или ослаблению индивидуальности чеченцев – всё это значительно влияло на изменение их первоначального типа и характера. Сейчас среди них есть тайпы (роды, фамилии), которые считаются различного происхождения. Чеченцы помнят, что известная часть их нынешней родины имела первобытных обитателей – чаберлоевцев. Последние подчинились им, смешались и язык их ныне очеченился. Чеченцы знают кумыков, с которыми издревле имели столкновения, помнят нарттов, которые в их толковании являются в реальном виде, теряя свой мифический облик. Наконец, среди чеченцев образовалась ингушская группа, ныне делящаяся на пять обществ, имеющих свои предания, своих родоначальников; кистины, например, известные со времён появления чеченцев в горах, имели своего родоначальника и отмечены в Древней армянской географии как кусты. Сами ингуши (галги) тоже отмечены в вышеназванной книге, рядом с кустами, в виде хелов или гелов. Все эти племена, быть может, в расовом отношении близкие или родственные чеченцам, – были пришлыми из других мест, говорили на своём, отличном от чеченского, языке. С течением времени и ходом событий они постепенно слились с чеченцами и язык их очеченился.

Несмотря на такой пёстрый состав, такое вавилонское смешение народов в горах, ядро чеченцев несомненно составилось из тех мидийцев-матианов, которые в исторических переворотах в древнем Закавказье были оттеснены к кавказским горам. Это видно из преданий чеченцев и из их верований. В числе разных племён, издревле живших в Чечне, предания современных отмечают и народ мида, которому, между прочим, приписываются те подземные склепы с признаками сожжения трупов, какие находят ныне во время раскопок повсеместно в Чечне[5]. Б. Далгат, изучавший ингушей и чеченцев, даёт подробные сведения о семейном их культе. У чеченцев существуют патроны или боги, общие всему племени, затем патроны отдельных сельских обществ и покровители отдельных аулов или родов. В виду этого главные их боги и святые вроде Галь-ерда и Мятцели, должны представляться нам в сущности обоготворёнными их предками, в честь которых строились храмы и капища. Б. Далгат описывает подробно празднество в честь Мятцели. Оно происходит на горе Мат-хох (по-осетински хох – гора), которую ингуши называют (с искажением) Мяты. Название мат нынешние ингуши и чеченцы не могут объяснить. По нашему мнению, тут и кроется остаток того этнического имени, которое носили предки нынешних чеченцев – матианы.

По преданию чеченцев, предки их были керестанами, то есть христиане. Хотя керестанами называются у них и вообще иноверцы, но, по мнению У. Лаудаева, чеченцы первоначально называли керестанами христиан, но потом, приняв ислам, стали ругать керестанами всех иноверцев с евреями включительно. Существует и другой признак, указывающий на их первоначальную веру. Это – христианский порядок исчисления дней недели, который, несмотря на переход чеченцев в магометанство, до сих пор у них держался[6]. Но когда и где приняли они христианство – неизвестно. У нынешних чеченцев воспоминания не восходят далее средних веков, времён усиления феодализма в Грузии и влияния последней на соседних горцев – осетин и чеченцев. Но нам кажется, что чеченцы были знакомы с христианским учением и до того, покуда они попали в горы, находясь под влиянием греческих миссионеров. В средние века они могли возобновить лишь своё знакомство с ним под влиянием грузин.

Вот вкратце немногие, но бесспорные сведения о чеченцах, которые мы приводим, не касаясь непосредственно их словесной передачи, в которой удивительно перемешана правда с небылицами. Письменные предания чеченцев иного характера и иного происхождения, чем устные. Рукописи этих преданий все арабские и принадлежат муллам, между которыми много дагестанцев. История происхождения и расселения чеченцев рассказана там в связи с историей Дагестана, пропагандой в нём ислама, борьбой населения с арабскими завоевателями и пр. Естественно, что история чеченцев подверглась такому же искажению, как история дагестанцев, в интересах привития горскому населению сознания об его родственной связи с арабами и неразрывности с исламом.

Но, несмотря на это, в некоторых рукописях, которые имелись у Н. Семёнова[7], рядом с искажениями, пробивается истина о происхождении и времени появления этого народа в горах. Н. Семёнов отмечает две рукописи: одну, принадлежащую мулле Арсануко, и другую – ичкеринскому кадию Шамилю Каратаеву. Эти рукописи в общем сходны между собой. Из перевода Каратаева видно, что предки племени нахчий вышли из сел. Нахчувана в 17 день месяца Раджаба (июль) 63 года после гиджрии (гиджрия – начало мусульманского летоисчисления – соответствует 622 г. Христианской эры, стало быть, 63 год после гиджрии = 685 году христианской эры). Судя по этому преданию, под селением Нахчуван нужно разумеать не известный город Нахичевань, деревню Нахичевань, находящуюся в Кагызманском округе Карской области. Из этого селения вышли три брата, сыновья именитого араба, умершего в Шаме (Сирии). Вероятно, он и жил там, так как до смерти, когда власть его была захвачена лицом «неправедным», то сыновья его бежали в Нахчуван. Из Нахчувана они перекочевали затем в Кагызман, где жили родственники отца их, в том числе их дядя. В Кагызмане прожили они 10 лет. Там умер младший их брат. Из Кагызмана двое братьев отправились затем в Эрзерум, где прожили 6 лет. Там умер второй брат. Оставшийся старший брат побывал после этого у халибов, которые жили на юго-восточном побережье Чёрного моря. Здесь он прожил

некоторое время со своим семейством, состоящем из жены, трёх сыновей, четырёх дочерей и племянника. Племянник женился на дочери князя «неверных» (немусульман) и остался у халибов, сам же с семейством перекочевал в местность, где протекала речка Бахсан (Баксан, в Кабарде), откуда его потомки впоследствии расселились в сторону нынешней Чечни[8].

В этом предании безыскусственно передаётся, в виде перекочёвок трёх братьев с места на место, рассказ о судьбе небольшого народа, нахчиматианов, который, по сложившимся неблагоприятно для него условиям жизни, вынужден был скитаться по различным областям Армении, пока не попал в дикие горы Кавказа, в такую местность, куда не могла забраться ни одна живая душа и где кроме волков и других диких зверей, никого не было[9].

Изложив кратко это предание о происхождении чеченцев, мы должны рассмотреть, в какой оно находится связи с теми данными, какие у нас имеются о мидийцах-матианах древней Армении.

Мидийский элемент в Передней Азии был известен в глубокой древности. В древнеперсидской клинописи встречается слово мад, которое означает страну Мидию, а по Библии известны мадаи, те же что мидяне. Последние были современны урартийцам.

В борьбе с Ассирией мадаи, как и урартийцы, играли крупную роль. В 842 году до Р. Х. ассирийский царь Салманасар III разбил их и обложил данью[10]. Самсибин (822-809), во время своих опустошительных набегов на Атропатену, первый коснулся пределов собственно Мидии. Последующие ассирийские цари ближе стали к Мидии. Спустя почти 100 лет после Салманасара III (с 743 года) Тиглат-Паласар II начал частые войны с Мидией. Поход, совершённый этим царём якобы к берегам Инда, был, в сущности говоря, завоеванием различных частей Мидии, как это доказал К. Патканов в своём исследовании «О мнимом походе Тиглат-Паласара II к берегам Инда». После Тиглата с Мидией вёл войны Саргон (ок. 713 г.). Ему приписывается переселение мидян в западные провинции Ассирии и взамен заселение Мидии сирийскими колониями. Он главенствовал над правителями Аллабрии, Иллипи, Агази, Уриакку, Амбанды, Зикарту и 20 другими частями Мидии. Дело Тиглат-Паласара и Саргона продолжал Санхериб (704-680), который покорял и такие земли мидян, которые до него не были известны ассирийцам.

Из вышесказанного можно видеть, что Мидия, в составе западной части Иранского плоскогорья (Ирак-Аджеми) и Атропатены, заключала в себе много мелких провинций, на которые последовательно учиняли свои нашествия разные ассирийские цари. Собственно Матиеной (бит Мати ассирийских надписей) называлась мидийская провинция от южных берегов оз. Урмия к Экбатане, столице Мидии (Урмия в те времена называлась Матианским озером). Эта мидийская провинция прилегала с востока к Армении.

Геродот находит мидийцев не только на своей родине, в Великой Мидии, но и на крайнем западе: он отмечает их живущими по правой стороне р. Галиса, впадающей в Чёрное море. Племя, известное под именем мааров – то же, что и мидийцы[11]. Мары

входили, по Геродоту, в состав 19-й области Персидского государства, рядом с мосхами и моссинэками. Вообще Геродоту известны все места нахождения матианов. Особое внимание мы обращаем на следующее его указание. Он упоминает о матианах, как о народе, живущем в области, откуда берут начало реки Аракс и Гинда (по предположению Раулинсона, Гинда – нынешняя р. Диала, приток Тигра, а по Рейнаху – р. Хабур, приток Евфрата). Матианы, по сведениям греческого историка, вместе с алародиями (урартийцами) и саспейрами составляли 18-ю область Персидского государства и платили дань в 200 талантов. Кроме того, из сведений Геродота можно вывести заключение, что матиены с одной стороны примыкали к армянам, а с другой – к урартийцам и саспейрам. Границы геродотовской Матиены в древней Армении, по таким данным, конечно, трудно определить, но, во всяком случае, Эрзерум с его окрестностями, откуда берёт начало р. Аракс, входил в эту область. За начальное течение Аракса можно принять расстояние от истоков его из окрестностей Эрзерума до Кагызмана, то есть тот район, где, по преданию, кочевали, между прочим, предки нынешних чеченцев. Таким образом, сопоставляя данные Геродота с вышеприведённым преданием чеченцев, мы не видим между ними никаких противоречий.

Небольшие мидийские колонии, несомненно, попадались во внутренних областях Армении. Когда они появились – Геродот не объясняет. Были ли они переселены мидийским царём Киаксаром (в VII в. до Р.Х.), при котором Мидия была настолько могущественна, что Армения входила в её состав, или они появились позднее – трудно ответить определённо. Армянские историки на эти небольшие колонии или не обращали внимания, или не застали их уже на местах. Существование мидийцев в древней Армении связывается у них с предание о борьбе Тиграна I с мидийским царём Астиагом. По армянской версии, Астиаг был побеждён и убит Тиграном. Кроме того, армяне полонили всё семейство Астиага и десять тысяч мидян. Все они были водворены в селениях и городах Айратской провинции – в Тамбате, Оскиохе, Дажгуйнке, Храме, Джухе, Хошакунике – по обеим сторонам Аракса, на пространстве от восточной стороны Арарата вниз по направлению к юго-востоку до самого Нахчавана, и отсюда до древнего города Гохтена, то есть нынешнего Ордубада[12]. Названия вышепоименованных селений и городов ныне не осталось, за исключением Джуха, а под Нахчаваном нужно разуместь, само собою понятно, Нахичевань эриванский, а не карсский.

«Если от этого географического указания перейдём к историческим, говорит Эмин, то увидим, что потомки Аждахака (Астиага), в лице сыновей, начиная с 565 г. до Р.Х. по 129 г. нашей эры, то есть в продолжение без малого 700 лет, не прозябали на армянской почве, но жили и служили новому своему отечеству, занимая в нём видные государственные должности. Так, в первой четверти II в. по Р.Х., история представляет нам одного из потомков Аждахака на высоком посту. Это был домовладыка, мидянин Аргаван (Аргам, по Моисею Хоренскому), занимавший второе место в государстве, то есть первое после царя».

Не вдаваясь в глубь вопроса – кто победил Астиага и полонил мидийцев, Тигран или Кир, для нас важно указание армянских историков, что в древней Армении проживали колонии мидийцев, состоявших, быть может, из потомков пленных мидян. Они прожили там почти 700 лет, до 2-й четверти II в. по Р.Х., причём некоторые из этих мидийцев за это время достигали высоких и почётных должностей в государстве.

Классические писатели знают мидианов за более продолжительное время. О них упоминают Гекатей (VI в. до Р. Х.) и Стефан Византийский (около V в. нашей эры). Таким образом, разница тут в 3-х веках: от II в. до V в. нашей эры сколько-нибудь положительных сведений об армянских мидианах у армянских историков не имеется. В самом древнем гаһнамаке (армянской разрядной книге древних нахарарств)

упоминается, между прочим, о неизвестно где находящемся нахарарстве Нахчери. (Интересна ещё форма этого названия – Нахчирапетк, – которую встречаем в том же гаһнамаке, который приписывается царю Аршаку и католикосу Нерсесу. Нахчирапетк означает «князя Нахчери»). В последующих разрядных книгах, относимых к более позднему времени (после VIII в.), уже не имеется подобного нахарарства. Очевидно, оно, будучи маленьким, прекратило своё существование. В списке Моисея Хоренского тоже отсутствует нахарарство Нахчери. Это и понятно. Моисей Хоренский, как историк VIII века, был верен себе: не находя нахчиматианов в составе населения древней Армении, он отметил их в своей Географии, как жителей северных предгорий Кавказа. Вышеупомянутый самый древний гаһнамак обнимает очень отдалённую эпоху и, если предположить, что геродотовская Матиена (около Эрзерума) входила в состав нахарарства Нахчери, то самое название племени – нахчаматианы – было бы вполне понятно.

Но на это точных данных не существует. Однако название города Нахчаван, который тоже населяли мидийцы, может дать более положительные указания насчёт племени нахчаматианов. По нашему мнению, Нахчаван восходит к тому названию, которое вычитал английский учёный Daniel Haigh в одной таблице иностранных земель в ассирийском клинописном памятнике. Это название Nachsuanna. Оно аккадийское обозначение области Арарад[13], находившейся в южной Армении. А южная Армения и Курдистан в доисторическое время составляли обширную территорию Наири, вмещавшую множество мелких областей с сотнями разных племён. Nachsuanna, по нашему мнению, основанному на аналогиях, есть название области по племени. Таким образом, племя нахчи, по-видимому, существовало ещё в доисторическое время и находилось в числе племён Наири. От этого названия и произошло греческое Нахуана, упоминаемое Птолемеем, и Нахчаван чеченских преданий. Племя это, переселившееся впоследствии на север, дало, вероятно, своё имя как городу, так и селению Нахчаван.

Суммируя всё сказанное, мы приходим к такому предположению: нахчаматианы или нахчи были из тех мидийцев, которые, между прочим, проживали от Эрзерума до Нахичевана карсского. Они были соседями урартийцев и саспейров, но численность их была не так велика и влияние их на других племён не так значительно, чтобы они могли обратить на себя внимание историков. Эмиграция их на север началась в конце VII или в начале VIII в. нашей эры, вследствие занятия их земель аравитянами и систематического притеснения их последними. Арабы, как известно, заняли Эрзерум в 647 г., а предки чеченцев, согласно их преданиям, выселились из близлежащих к Эрзеруму мест в 685 году. Из этого ясно, что несколько десятков лет они всё же жили под управлением арабов и, следовательно, имели возможность ознакомиться с приёмами их управления. Помимо знакомства их с управлением арабов, влияние арабского языка на их язык несомненно для изучающих последний. Теперь обратимся к чеченскому языку и выясним, насколько он оставил следы в географической номенклатуре Закавказья.

Само собою разумеется, если мидийские колонии были разбросаны по разным областям древней Армении, то и мидийских слов в форме географических имён нужно искать в разных местах. У нас под рукою три факта, указывающих, как чеченские слова (*ci-devant* матианские) сделались географическими названиями. Вот они. В Васпураканской области, к югу от оз. Ван, в бывших владениях рода Рштуни, находится гора, называвшаяся, по сведениям историка Фавста Византийского[14], Ендзакиарс (Ենձաքար). Название это означает: гора Ендзака. Ендзак – имя одного из һаӀкидов[15], арс – по-чеченски гора. Ендзакиарс у Фавста пишется слитно. Мы не сомневаемся, что Фавст, живший в IV в., понимал значение слова арс. Но позднейшие переписчики этого автора не знали, по-видимому, такого слова, и писали слитно Ендзаки и арс. То же название горы повторяет армянский географ Алишан[16]. Последний пишет Ендзакиарс тоже слитно, но к этому делает примечание, что рекомендует это название писать Ендзаки сар (сар – современное армянское название горы), то есть писать иначе и отдельно, без дальнейшего объяснения подобной транскрипции. Очевидно, Алишан полагал, что с этим названием произошла какая-то ошибка, которую следовало исправить. Hubschmann[17] находит это географическое название, в той же транскрипции, какую рекомендует Алишан, и у писателей – католикаса Иоанна и Вардана. В виду этого он (тоже неосновательно) считает ошибкой транскрипцию Фавста. Таким образом, мы видим в географическом названии одной горы, известной в армянской истории, чеченское слово в армянской транскрипции. Далее. В чеченском

языке есть слово муохк, которое означает страну, землю. Дифтонг уо, заключающийся в этом слове, соответствует гласному о в армянском произношении. Ниже мы покажем на целом ряде примеров, как чеченский дифтонг уоо и другие простые гласные в закавказских языках. Таким образом, слово муохк в армянском произношении будет мохк или мокк, допуская переход хк в кк. переходит в

Действительно, Мокк (греч. Моксена) было названием одной из стран на территории древней Армении. Страна Мокк находилась на западе от Кортчая или Кортчайка и на востоке от Агцника и делилась на 9 областей. Со словом мохк, очевидно, произошло то же самое, что со словом мада. На языке шумеров мада означала страну; впоследствии это слово превратилось в географическое обозначение родины мидийцев[18]. На этой аналогии слово мохк, обозначавшее на языке нахчаматианов страну, сделалось географическим названием одной из областей древней Армении.

Небезынтересно привести тут то объяснение, какое даёт покойный К. Патканов названию этой области. «Мокк – название этой провинции, говорит он, – нигде не встречается в именительном падеже, а только в косвенном Мокс, Мокац, именительный которых может быть только Мокк. А, между тем, эта провинция никогда не звалась Мокк, а всегда Мокс, что видно из её нынешнего названия Мокс, Моекс и из того, которое давалось ей древними, Мохоене. По духу армянского языка конечная с, как признак косвенных падежей множественного числа, для образования именительного изменяется в к, отсюда Мокк[19].

Подобное объяснение этимологии этого названия, в своё время удовлетворительное ныне нам кажется уже случайным, раз мы убеждены, что это слово матианское, подвергшееся впоследствии эллинизации. На основании таких данных уже невозможно принимать его эллинскую форму за самую древнюю, и остаётся думать, что именительный падеж этого названия с самого начала законно существовал, но только он несколько изменился в армянском произношении.

Мы должны отметить ещё третье название. Это – Ч'уаш – один из кантонов области Васпуракан. Ч'уож, по-чеченски, ущелье, лощина, соответствует армянскому дзор и грузинскому хеви, столь распространённым в географических названиях различных мест Армении и Грузии.

Ограничиваясь рассмотренными выше названиями, мы проследим за линией передвижения древних матианов к северу. Мы предполагаем, что эмиграция их началась из геродотовской Матиены, области начального течения Аракса, между Карсом и Эрзерумом. Далее волна их направилась вдоль Арсианского хребта к Ахалциху.

Здесь мы должны сообщить некоторые сведения об этом хребте. Арсианский хребет получил своё название от самой высокой своей точки, от горы Арс (Арсиан), имеющей 10378 футов высоты. Он является продолжением хребта Думлидига, лежащего к северу от Эрзерума, и образует водораздел между бассейнами Чороха и Куры. Гребень этих гор то острый, то широкий, принимает более постоянный острый вид в северной части. Хребет доходит до р. Коблиан-чая, которая отделяет его от хребта Малого Кавказа, с которым он, таким образом, непосредственной связи не имеет, а только соединяется с ним невысоким острогом. Западный скат Арсианского хребта длинен и крут, восточный

значительно положе и короче, так как упирается в высокое плоскогорье. Гребень хребта покрыт обширными горными лугами, среди которых там и сям виднеются заросли рододендрона. Западный скат хребта на всём протяжении покрыт лесом, восточный же скат на оконечностях покрыт лесом, а в средней части пастбищами, ибо лес, по причине большей доступности этой части хребта, давно уже вырублен. Длина Арсианского хребта в пределах Закавказья около 200 вёрст[20].

Мы выше уже говорили, что по-чеченски арс означает гору, но есть и другое слово на этом языке, дающее понятие о горе, это лам. Разница между ними та, что арс означает лесистую гору, а лам – оголённую. Из вышеприведённой характеристики арсианских гор явствует, что и до сих пор эти горы вполне оправдывают своё чеченское название, будучи лесистыми.

Переходя к чеченским словам в грузинской транскрипции, мы должны отныне по ним определить дальнейшие линии передвижения древних матианов к кавказским горам. В Ахалхице мы должны отметить гору, на которой ныне высятся развалины старой крепости. Эта крепость на горе-скале по Географии Вахушта, называлась в древности Ломсиа. Этимология этого слова была до сих пор совершенно неизвестна. Лишь теперь, когда имеем знакомство с чеченским языком, с большой достоверностью можем сблизить это слово с чеченским лам – гора (в нынешнем произношении ингушей – лом). Ломсиа означает горную крепость.

Начиная от Ахалциха, по двум линиям, к северу и северо-востоку, часто, почти систематически, повторяется это слово в названиях гор, селений и ущелий. Первая линия от Ахалциха идёт через Рачинский и Лечхумский уезды к кавказским горам, а вторая линия через Горийский и Душетский уезды к тем же горам, в нынешнюю Чечню. На первой линии нам известны, например, селения Лемнаури (в Рачинском уезде), Лемсиа, Лемзагори и Лами (в Лечхумском уезде), на второй – селения Ламискана (Горийский уезд), Ломиси (Горийский уезд), Ломиси (Душетский уезд), Ломисхеви (Душетский уезд) и два селения Лами (Душетский уезд). Подобные названия мы замечаем и поблизости этих линий; так, близ начальной линии, в Аргаданском округе, существует селение Ломиан, а на западе от Арсианского хребта, в Верхне-Аджарском округе, – селение Ломанаури. В конце концов, все эти названия ведут к кавказским горам, где они сливаются с чеченскими названиями. Интересны в лингвистическом отношении пограничные области, места соприкосновения грузин с чеченцами. Начальное течение Терека в грузинской Географии называется Ломехи (вариант – Ламехи). Название это состоит из двух чеченских слов лам (гора) и хи (вода, река), то есть буквально значит горная река. Область в южном предгории Кавказа, на юге Мтиулети, была известна у грузин под названием Жамури[21]. Эта область находилась ниже Ломисис-мта и над Ксанским ущельем. Транскрипция этого слова, очевидно, искажена. Эта область называлась, вероятно, не Жамури, а Ламури, то есть горной страной. Форма этого названия чечено-грузинская. Далее, недалеко от преддверия самой Чечни расположены два больших грузинских селения – Матани и Марелисы, названия которых указывают на древний этнографический состав их населения.

Князь Рафаил Эристов в своём очерке о Тушино-Пшаво-Хевсурском округе пытается объяснить названия селений у горских грузин. Он говорит, например, что жители каждого общества пшавцев – все однофамильцы, в виду этого, по его предположению, пшавцы 11 обществ происходят от 11 семейств, нося фамилии по именам своих родоначальников[22]. Это весьма возможно, родоначальником жителей Кистаури мог быть какой-нибудь кистин, родоначальником Омараани – какой-нибудь Омар. Возможно также, что селения Матани, Матурели носят имя матианов, которых грузины называли

мада или мата. Название Марелисы, по нашему мнению, происходит от слова маар, которое занесено в кавказские горы армянами (марами, как известно, армяне называли мидийцев). По статистическим данным 80-х гг., в составе населения Марелисы числилось 19 дымов армян, давних жителей, потерявших свой родной язык, но сохранивших григорианскую веру[23]. Это, по всей вероятности, потомки древних армян-беженцев VIII в., которые вслед за матианами эмигрировали в кавказские горы, жили вместе с ними или на местах, прежде ими населённых. Как это название составилось тоже ясно: в грузинской транскрипции мар=марели, си – суффикс, обозначающий местность. Любопытно, что есть ещё форма переходная к этому названию, так, в Ахалцихском уезде есть поныне селение под названием Марели. В настоящее время как грузины, так и живущие с ними армяне не могут объяснить значения слов мат и мар. Грузины называют чеченцев или кистами, по имени ближайшего племени, или чачанами, выводя это название из русского прозвища этого народа[24].

Таким образом, во всех этих названиях мы видим следы чеченских слов (лам, хи), либо следы местного названия матианов (мата, мар). В грузинском языке есть слова, очень схожие в звуковом отношении как со словом лам, так и с лом: Лами по-грузински ил, ломи – лев. Но мы свои доказательства строим на следующих соображениях. Если предположить, что лам соответствует груз. ламы, а лом – груз. ломи, то чуму соответствует лем – на это уже невозможно дать ответа. Очевидно, мы имеем дело здесь с тремя формами одного и того же слова лам. Затем, в некоторых из вышеприведённых названий мы замечаем даже остатки чеченских падежей, например, в Ламанаури и Леманаури частица ан является остатком чеченского родительного падежа. Родительный падеж в этом языке оканчивается постоянно носовым н (н); ему предшествуют гласная или дифтонг, но таковая гласная или дифтонг весьма разнообразны[25]. Родительный падеж занимающего на слова лам будет ламанан; средний слог ан, появление которого в данном слове вызывается окончанием родительного падежа н, и есть тот остаток родительного падежа, который мы видим в приведённых выше грузинских названиях. Не меньшее значение имеет и степень правдоподобия в различных названиях: под Ломис-хеви вернее разуместь горное ущелье, чем львиное ущелье, а в названии ломис-мта вернее видеть факт скрещения двух однозначущих слов различных языков, чем львиную гору.